

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ ИЛИ ВНУТРИ НАС САМИХ?

А.М. ДВОЙНИН

Московский городской педагогический университет

Дается авторская оценка современного состояния психологии. Анализируется адекватность использования метафоры «кризис» при характеристике состояния современной психологии. Утверждается, что данная метафора в качестве оценочного инструмента и объяснительного конструкта стала в определенной степени декларативной и обрела относительную автономию от реального положения дел в науке. Выявляется специфика дискуссий о кризисе, характерных для российской психологии: высокая интенсивность и эмоциональность, единодушие в оценках («психология находится в кризисе»), совпадение активизации дискуссий с социально-историческими трансформациями в России в 1990-е гг. и др. Отмечается, что за кризисной риторикой в российских методологических дискуссиях стоят социокультурные и психологические причины. Кризисный диагноз, который ставится российскими учеными, не столько соответствует реальному положению дел в мировой психологии, сколько выражает кризис идентичности, который переживается большей частью российского психологического сообщества.

Ключевые слова: кризис в психологии, методологические дискуссии, российская психология, зарубежная психология, кризис идентичности, российское психологическое сообщество.

**МЕТАФОРА «КРИЗИС»
ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОСТОЯНИЯ
ПСИХОЛОГИИ**

Констатировать кризис в психологии — занятие неоригинальное. Практически с момента осознания психологией себя в качестве отдельной науки ощущение кризиса не покидает многих ученых. История кризисных диагнозов, которые ставились психологии на протяжении всего периода ее развития, показывает, что сама проблема кризиса в психологии давно стала традиционной темой научных изысканий и обрела черты так называемых вечных проблем нашей науки.

Первые обсуждения кризиса в психологии состоялись в конце XIX в. Швейцарский философ и психолог Рудольф Вилли представил научной общественности свой анализ критического состояния психологической науки сначала в статьях (Willy, 1897), а затем и в виде отдельной книги 1898 г. издания. Хотя некоторые современные авторы (Мазиллов, 2006; Аллахвердов,

2010) полагают, что диагноз кризиса психологии можно проследить еще раньше — в текстах Ф. Брентано в 1874 г., первая специальная работа по кризису психологии, несомненно, принадлежит Р. Вилли¹.

Затем было обсуждение работы Р. Вилли и поставленного им диагноза немецким философом и католическим священником Константином Гутберлетом (Gutberlet, 1898), выход в 1911 г. книги о кризисе психологии русского ученого, работавшего во Франции, — Николая Костылева (Kostyleff, 1911), обсуждение состояния психологической науки в трудах известных западных и российских ученых Х. Дриша (Driesch, 1925), К. Коффки (Koffka, 1926), К. Бюлера (Bühler, 1927), К. Левина (Lewin, 1931), К. Прагга (Pratt, 1942), Н.Н. Ланге (Ланге, 1914), Л.С. Выготского (Выготский, 1927/1986) и многих других.

¹ А. Мюльбергер (Mülberger, 2012) обращает внимание, что идею применить метафору «кризис» к состоянию науки Р. Вилли заимствовал у своего учителя — эмпириокритициста Р. Авенариуса (Avenarius, 1888).

Без сомнения, кризис психологии конца XIX — начала XX в. был реален, ибо вопрос о собственном предмете, методе, статусе, объяснительных принципах в условиях еще не сложившихся внутринаучных традиций, методологий и исследовательских программ был вопросом выживания и самоидентификации психологической науки. В попытках преодолеть кризис ученые выработали различные проекты решения фундаментальных проблем, однако при этом так и не смогли прийти к единству.

Позже оказалось, что психология и без единого фундамента способна жить дальше и плодотворно развиваться в разных логиках и направлениях. Так со временем ряд направлений психологии и ее проектов постепенно сошел на нет (структурализм, функционализм, описательная психология, реактология и др.), другие пустили мощные корни, значительно выросли и дифференцировались (психоанализ, бихевиоризм и др.). Таким образом, как считают некоторые исследователи, психологический кризис конца XIX — начала XX в. завершился (Мироненко, 2008; Reiber, 2001).

Однако, несмотря на очевидный прогресс и успехи психологии в XX в., метафора «кризис» применительно к состоянию психологической науки в разные периоды ее развития использовалась в качестве универсального оценочного инструмента и объяснительного конструкта. Происходило это всякий раз, когда психология (как и всякая наука) сталкивалась по ходу своего развития с проблемами той или иной степени сложности. Всякое более-менее устойчивое негативное явление в психологии или объективная трудность, как, например, падение в определенный момент качества научных исследований или сложность интеграции нейропсихологического и социокультурного уровней детерминации психических явлений, расценивалось как кризис или объяснялось им. Можно сказать, что метафора кризиса прочно вошла в сознание многих психологов, став в каком-

то смысле даже архетипичной для большей части профессионального сообщества. Так, согласно Th. Тео, после 1945 г. в научной литературе психологи успели декларировать кризис в социальной, экспериментальной психологии, психометрике, психологии личности, а также указывали на статистический, философский, антропологический, методологический, теоретический, научный, прагматический, этический кризисы, кризис психологического рынка труда, кризис публикаций, кризис прокламаций кризиса и т.п. (Тео, 2005). М. Мэнди, анализируя тексты по социальной психологии, опубликованные между 1957—1981 гг., замечает, что этот период — время наибольшего использования конструкта «кризис» в рефлексивных работах. Бесчисленная литература относится к «кризисной риторике» (Mandy, 1996).

Как это бывает с теорией, которая в процессе своего развития значительно изменяется, так и метафора «кризис» за XX в. постепенно эволюционировала. Психологи стали утверждать, что кризис в психологии перманентен, а это значит, что вместо острой скоротечной фазы он стал рассматриваться как обычное состояние психологической науки. Кризис также перестал восприниматься как несущий в себе потенциальную опасность деградации и упадка психологии. После работы Т. Куна «Структура научных революций» (2003) термин «кризис» в психологии оброс и другими коннотациями, подогревая дискуссии о том, на какой же стадии — парадигмальной или допарадигмальной — находится наша наука. В.А. Кольцова (2004), указывая на присутствие в науковедении подходов, отличных от модели развития науки Т. Куна и показывающих продуктивность дезинтеграционных процессов (П. Фейрабенд, Ж. Деррида и другие), подчеркивает, что понятие кризиса можно трактовать и как состояние стагнации, научного застоя, борьбы мнений.

При таком «раздутом» объеме понятия «кризис» складывается впечатление, что психологи как будто испытывают дефицит

других оценочных инструментов и используют метафору кризиса применительно к состоянию психологии не только, когда она отражает реальность, но и в тех случаях, когда это не всегда оправдано объективными причинами. Какие бы апокалиптические критические диагнозы ни ставились тем или иным направлениям и отраслям психологии (как это было, например, в социальной психологии, психоанализе, гуманистической психологии и др.), сами эти направления/отрасли успешно в той или иной мере продолжили свое развитие. Поэтому вопрос о том, были ли их кризис реален или метафора кризиса в большей степени отражала панические настроения некоторых научных сообществ в определенный период, остается открытым.

Можно сказать, что *метафора «кризис» в качестве оценочного инструмента и объяснительного конструкта стала в определенной степени декларативной и обрела относительную автономию от реального положения дел в науке*. При этом между оценками учеными состояния психологии как кризисного и самим ее *актуальным состоянием* установились весьма сложные и неоднозначные отношения.

Любая оценка субъективна в том смысле, что осуществляется субъектом. И даже при ее адекватности предмету оценивания она в определенной степени выражает состояние субъекта. Относительно автономное бытие метафоры кризиса в сознании большого количества психологов позволяет поставить вопрос о тех психологических и социокультурных причинах и факторах, которые обуславливают, как мы полагаем, переживание кризиса тем или иным профессиональным сообществом, переживание, которое проецируется в виде соответствующих критических оценок на реальное состояние психологической науки.

В этом аспекте показательна российская психология, в которой обсуждение кризиса мировой психологической науки активизировалось в последние 20 лет. Несмотря на то что в зарубежной психологии

теме кризиса также уделяется определенное внимание (при том что вопросы методологии и философии науки не находятся сейчас в фокусе интересов зарубежного научного сообщества), в российской психологии, переживающей настоящий методологический ажиотаж, наблюдается значительный всплеск дискуссий на тему кризиса.

Попробуем взглянуть на данные дискуссии с той точки зрения, с которой кризисные оценки психологов выражают *кризисные переживания* (психологический аспект) *определенного научного сообщества в конкретно-исторический период* (социокультурный аспект). Основная *цель* настоящей статьи — объяснить с позиции указанных аспектов, почему в риторике российских психологов о состоянии мировой психологии преобладают кризисные оценки.

Для этого необходимо исходно определить понятие «кризис», которым мы будем пользоваться в данном экскурсе. Под кризисом мы понимаем острое (а не хроническое) состояние любой системы, которое делает невозможным ее дальнейшее функционирование и развитие без радикальных внутренних качественных преобразований (или преобразований внешних связей), а также угрожает системе или ее частям распадом. В понятии кризиса важно учитывать два аспекта: 1 — кризис является поворотной точкой на определенном этапе развития системы, 2 — кризис несет потенциальную опасность ликвидации системы (Reiber, 2001; Goertzen, 2008). Также важно принять во внимание соображение о том, что иногда для констатации кризиса есть объективные причины, а иногда — только удобные поводы, чтобы его декларировать.

ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ЕСТЬ ЛИ КРИЗИС?

Анализ современных отечественных методологических дискуссий о состоянии психологии показывает, что российские пси-

хологи воспринимают нынешнее положение дел в психологии как перманентный кризис² (Аллахвердов, 2010; Мазилев, 2007а; Теория и методология..., 2007; Юревич, 2005). В работах Ф.Е. Василюка (1996), М.С. Гусельцевой (2006), Е.Ю. Завершневой (2004), В.А. Мазилова (2003, 2006), Е.А. Сергиенко (2005), Е.Д. Хомской (1997), Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (Корнилова, Смирнов, 2006), А.В. Юревича (1999, 2005; Yurevich, 2009) и других описываются различные симптомы кризиса: деградация и смена типов рациональности, схизис между теорией и практикой, методологический хаос, проникновение в науку псевдонаучных знаний и т.д.

А.В. Юревич (1999) утверждает, что кризис носит системный характер, и обобщает предлагаемые исследователями симптомы кризиса:

- отсутствие единой, разделяемой всеми теории;
- разделение психологии на отдельные «империи» — психоанализ, бихевиоризм, когнитивизм и т.п.;
- отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания;
- некумулятивность знания, т.е. отношение каждого нового направления в психологии ко всем предшествующим психологическим знаниям как к заблуждениям;
- разрыв между исследовательской и практической психологией;
- расщепленность психики и личности на отдельные функции;
- наличие неразрешимых «параллелизмов» — психофизического, психофизиологического, психосоциального и других «вечных» проблем нашей науки (Юревич, 2005).

По мнению В.А. Мазилова (2007б), необходимо различать три уровня психологического кризиса: 1) кризис роста (связан

с естественным развитием науки); 2) кризис статуса (определяется флуктуациями между естественнонаучной и герменевтической методологиями); 3) кризис коммуникации (связан с неадекватной трактовкой предмета психологии).

В целом описываемые российскими учеными симптомы кризиса относятся к *когнитивному аспекту* психологической науки. Как отметил А.В. Юревич: «Отечественная психология если и переживает, то в основном *когнитивный*, а не *социальный кризис* — кризис представлений о том, как следует изучать и объяснять психическую реальность» (Юревич, 1999, с. 3). Однако далее автор этой цитаты несколько парадоксально заявляет: «...кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости — как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом*, и поэтому может разрешиться только социальным путем» (Там же, с. 10). И хотя мы не согласны с тем, что существующие проблемы в когнитивной плоскости психологии должны рассцениваться как симптомы кризиса, ученый, несомненно, прав относительно большой роли социокультурного бэкграунда в определении нынешнего состояния психологии.

В связи с этим следует обратить внимание на ряд важных социокультурных, а также психологических аспектов методологических дискуссий о кризисе, ведущихся в отечественной психологии.

Во-первых, резкая активизация этих дискуссий примерно совпадает с социально-историческими кризисными трансформациями в нашей стране в 1990-е гг. Крах политической системы, переход от тоталитарного общества к открытому, исчезновение идеологического прессинга, социально-экономические проблемы — социокультурные реалии появления кризисных диагнозов новой волны.

² Справедливости ради надо отметить, что не все отечественные ученые согласны с тем, что психология сейчас переживает кризис (см., например: Данилова, 2010).

Во-вторых, критические оценки состояния психологии, даваемые российскими учеными, довольно схожи, в отличие от весьма вариативных оценок наших иностранных коллег.

В-третьих, научные споры отечественных психологов весьма эмоциональны. Российское психологическое сообщество испытывает «методологические эмоции», как назвал их А.В. Юревич (2005) – «эпистемологический оптимизм и пессимизм». В.М. Аллахвердов (2005б) демонстрирует «грустный оптимистический взгляд на психологическую науку» в статье с одноименным названием. В категоричном тоне излагает свою позицию А.В. Сурмава (2004) и т.д. Вся эта эмоциональность показывает, что обсуждаемые проблемы психологии переживаются учеными как *лично значимые*.

В-четвертых, российские психологи констатируют кризис *мировой психологии*, однако оснований для подобного обобщения, как нам кажется, приводится недостаточно. Явления, которые в качестве симптомов кризиса приписываются мировой психологии, не новы. Тем не менее переживание этих явлений в отечественной науке обострилось именно недавно. В целом же мировая психология сейчас представляет собой такую разветвленную, многосоставную и неравномерно развитую область науки и практики, что для констатации реального кризиса, несущего угрозу упадка *всей психологии*, необходим глубокий и обширный анализ различных ее составляющих; а это – отдельная и трудновыполнимая задача. При этом в отечественных методологических дискуссиях обобщения, делающиеся в масштабе мировой психологии, не подкрепляются на данный момент подобным дифференцированным анализом.

Говоря о кризисе мировой психологии, отечественные ученые обращают внимание на особенности психологии, связанные с ее *фрагментацией* и *мозаичностью*. Это раздробленность на школы и направления, отсутствие единой теории психического (Ма-

зилов, 2003, 2006; Юревич, 2005), разрыв теории и практики (Василюк, 1996; Мазилов, 2003, 2006; Юревич, 2005) и т.п. Также отмечаются такие негативные тенденции, как оживление нематериалистических тенденций и потоки «интеллектуальной мути» (Хомская, 1997), анархия эмпиризма (Аллахвердов, 2005а, 2005б), методологический «беспредел» (Сергиенко, 2005) и др.

Очевидно, что последние тенденции связаны с конкретными реалиями российской психологии, завершившей монистическую стадию в развитии своей методологии и избавившейся от идеологического диктата.

Отечественная психология в советский период строилась на едином фундаменте материалистической философии марксизма. Официально советские психологи, как правило, демонстрировали идеологическое и методологическое единодушие при том, что их реальное отношение к марксистским идеям, конечно, варьировалось: от ярой приверженности – до очевидной избирательности и неприятия. Тем не менее в марксизм как единственно правильный из возможных путей развития своей науки многие советские психологи в той или иной мере искренне верили. Эта вера, привнесшая в их деятельность четкие ценностно-смысловые ориентиры, давала ученым не переживание кризиса, а ощущение идейной стройности науки, профессиональной цельности и общности с коллегами. Эта методологическая и идейная стройность не только поддерживалась «каркасом» общих принципов и внутренней логикой развития советской психологии, но и в определенной мере была результатом идеологической цензуры науки, характерной для тоталитарного общества. Конечно, в этих условиях многие вышеупомянутые проблемы не могли возникнуть – идеологическая цензура на корню пресекала, например, любые альтернативные марксизму-ленинизму, нематериалистические или просто «мутные» идеи.

Что же произошло потом? Крушение советской общественной системы, пере-

ход от тоталитарного общества к открытому, а вместе с тем крах многих прежних «регуляторов» идейной стройности и методологического единства науки привели к появлению множества мнений, теорий, подходов, в том числе, конечно, сомнительных с научной точки зрения идей и откровенно лженаучных воззрений. Ощущение фрагментации психологии усилилось. Этот плюрализм, который для одних (исходно не согласных с общеобязательным методологическим монизмом) был спасителем, для других обернулся определенным разочарованием, породив *переживание кризиса*. Неудивительно, что ученые-методологи выразили переживания большей части научного сообщества от этого плюрализма, который воспринят как неслыханные доселе в российской науке эклектика и хаос.

Следует учесть, что идейный плюрализм, который появился в отечественной психологии и был воспринят как глобальная проблема, для зарубежной психологии, вмещавшей в себя большое количество разномастных идей: от радикальных бихевиористских и психоаналитических до гуманистических и трансперсональных, — обычное состояние.

Как мы определили выше, реальный кризис науки несет в себе опасность упадка науки в целом или отмирания ее частей, он делает невозможным дальнейшее продвижение исследований без радикальных преобразований. Однако разве этот плюрализм идей (часть которых, безусловно, псевдонаучна) говорит о том, что российская (и тем более мировая) психология находится в упадке и вымирает? Неужели конкретные специализированные исследования при этом зашли в тупик? Действительно ли профессиональное выживание психологов под угрозой?

По-видимому, это не совсем так. Несмотря на дебаты в отечественной психологии по поводу состояния и перспектив развития наших «культовых» теорий (культурно-исторической, деятельностной и др.), эти теории сохраняют свое влияние и

определенный эвристический потенциал. В российской (как и в мировой) психологической науке появляется много оригинальных идей, разрабатываются новые концепции и реализуются разные исследовательские проекты. Академическое научное сообщество активно борется с эклектикой. Научные школы продолжают свое развитие, открылись хорошие психологические образовательные учреждения, издаются новые журналы по психологии и защищаются большое количество диссертаций³. Да и многие коллеги-психологи демонстрируют уверенный рост в науке и практике, а также преуспевание в конвертации собственных идей и умений в финансовую прибыль. Российские психологи учатся жить в новых социокультурных реалиях.

А как на состояние психологии смотрят зарубежные ученые?

Основные обсуждения кризиса психологии иностранными специалистами идут по линии «единство — разобщенность» психологической науки. По мнению зарубежных ученых, разделяющих данный диагноз, основными индикаторами кризиса являются *фрагментация и отсутствие единства методологии, теорий, терминологии* и т.п. (Bakan, 1996; Goertzen, 2008; Mos, 1996; Staats, 1983, 2004; Sternberg, 2005; Yanchar, Slife, 1997; и мн. др.) Кризис рассматривается как результат «сверхразвития» (Bakan, 1996) или «неверного направления» развития психологии (Sarason, 1981). Отдельные исследователи считают, что психология вовлечена в социокультурный кризис, который заключается во фрагментации человеческого общества и культуры (Gruber, Gruber, 1996; Sarason, 1981).

Ряд зарубежных ученых считают, что психология находится в кризисном состо-

³ Диссертации защищаются, конечно, разного качества, но это вопрос не к психологической науке как таковой, а к диссертационным советам, которые в силу разных причин «пропускают» не соответствующие требованиям работы.

янии относительно качества психологической деятельности, связи науки с решением жизненных задач. При этом с точки зрения объема активности психологов, распространенности психологии в социальных сферах, профессионального статуса, количества публикаций психология явно успешна и продуктивна (Bakan, 1996; Rieber, 2001). К. Зальцингер пишет, что если в психологии и есть кризис, то он заключается в переориентации психологов с занятий реальной наукой в плоскость организационной активности: увеличение количества публикаций, поиск грантов, увеличение заработной платы и т.п. (Salzinger, 1996).

В работах Дж.Г. Бауэра (Bower, 1993), Р.А. Диксона (Dixon, 1983), Р.Дж. Келли (Kelly, 1998), У. Найссера (Neisser, 1995), Т. Зиттен с соавт. (Zittoun, Gillespie, Cornish, 2009) обосновывается, что фрагментация психологии, по сути, есть ее здоровая дифференциация в процессе развития. Утверждается, что метафора кризиса неуместна и не соответствует действительности, а психология самодостаточна, социально отзывчива и находится в расцвете (McKenzie-Mohr, Oskamp, 1995; Stam, 2004; Ward, 2002). Т. Зиттен с соавт. возражают нашему отечественному психологу А.В. Юревичу (Yurevich, 2009), рассматривающему кризис психологии через разноуровневую фрагментацию науки. По их мнению, фрагментацию необходимо рассматривать как естественный для развития процесс дифференциации целого, т.е. как показатель *прогресса* психологии (Zittoun, Gillespie, Cornish, 2009). Психологи восклицают: «Существует ли кризис внутри психологии? В стагнации ли она? Изолирована? Агонизирует? В целом, наш ответ — «нет» (Gruber, Gruber, 1996, p. 348).

Очевидно, что метафора «кризис» применительно к состоянию современной психологии не совсем удачна, так как означает острое, а не хроническое состояние (Gruber, Gruber, 1996; Goertzen, 2008; O'Connell, 1996). Д.К. О'Коннелл считает применение сейчас метафоры кризиса антиисториче-

ским и предлагает оценивать нынешнее состояние психологии как «недомогание» (malaise) (O'Connell, 1996).

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ

В свете всего сказанного можно прийти к следующему выводу. Кризисный диагноз, который ставится российскими учеными, не столько соответствует реальному положению дел в мировой психологии, сколько выражает переживания части нашего профессионального сообщества в связи с трудностями отечественной психологии на фоне конкретно-исторических условий современной России. За пределами России в мировой психологической науке в настоящее время данные проблемы или успешно преодолеваются, или вовсе отсутствуют (Мироненко, 2008). Поэтому правильнее говорить не о кризисе в психологии, а «скорее о стремлении к обновлению методологии, углублению рефлексии ее основ, укреплению теоретического каркаса психологической науки» (Кольцова, 2004, с. 21).

Правы Г.Е. Грубер и С.Л. Грубер в том, что кризис протекает не в пределах самой психологии, а где-то снаружи — в обществе, внутри нас самих (Gruber, Gruber, 1996). По нашему мнению, кризис, декларируемый отечественными учеными в методологических дискуссиях и приписываемый науке, на самом деле разворачивается именно в нас самих. Этот внутренний кризис российских психологов выражает *переживание учеными разрыва в культурной реальности прошлого и настоящего отечественной науки, который препятствует адаптации к изменившимся социокультурным условиям профессиональной деятельности.*

Стержневой причиной этого внутреннего кризиса, по нашему мнению, являются *утрата большим количеством российских ученых веры в марксизм как в единственно правильное учение о природе человека и общества и, как следствие, прогрессирующая*

*идейная дифференциация отечественного психологического сообщества*⁴. Как утверждает М.С. Гусельцева, «именно утрата веры в универсальные схемы развития как в истории, так и в психологии интерпретировалась, переживалась в качестве кризиса науки» (Гусельцева, 2011, с. 23). Справедлив и вывод И.А. Мироненко о том, что «кризис российской психологии начала XXI в. — это в первую очередь... реакция на распад прежде единого профессионального сообщества» (Мироненко, 2008, с. 125).

Описываемый внутренний кризис можно обозначить как *кризис идентичности российских психологов*. В самом общем виде он заключается в неопределенности представлений о том, что нас, российских психологов, объединяет сегодня. С какими мировоззренческими идеями и психологическими течениями нам следует себя отождествлять и на каком языке коммуницировать? К каким эталонам и ценностным ориентирам в науке и практике следует стремиться? Как примирить нынешние столь разнородные идеи, конструкты, методы в своем сознании и деятельности и тем самым достичь цельности себя в профессии?

Именно разрушение прежней идентичности отечественных психологов, отождествлявших себя с марксистскими мировоззренческими идеями, провоцирует острое переживание актуальных трудностей и «вечных» проблем психологической науки. Ученые в определенной мере проецируют свои переживания (которые рефлексированы как «методологические эмоции») на состояние психологии, нередко демонизируя имеющиеся противоречия. Ступение красок происходит за счет обобщений, распространяемых на всю мировую психологию с использованием метафоры «кризис»⁵.

⁴ Более подробный анализ причин и факторов переживания кризиса российскими психологами проведен нами (Двойнин, 2015).

⁵ В.П. Зинченко (1993) в отношении отечественной психологии использовал еще более хлесткую метафору «катастрофа».

Затем из этого «кризиса» науки начинаются активные поиски выхода путем разработки проектов методологического «перекраивания» психологии под различные варианты интеграции и унификации (см., например: Мазиллов, 2007а; Соколова, 2006; Кричевец, 2005; и др.). Не нами замечено, что эти проекты — реакции на ситуацию, сложившуюся в отечественной психологии после разрыва с марксизмом (Мясоед, 2004).

Если разделять позицию о том, что в реальности «кризис» находится внутри нас самих, а не в науке, то неудивительно, что данный кризис идентичности переживают далеко не все психологи. Это удивляет некоторых ученых — буревестников кризиса в психологии. По мнению В.М. Аллахвердова, «создается впечатление, что глубина кризиса не всеми осознается в полной мере» (2005б, с. 132). В.М. Розин заявляет: «...я считаю и согласен в очередной раз с тем, что психология переживает глубокий кризис. ...Я с некоторым удивлением понял, что большинство психологов так не думают: такое впечатление, что они вполне довольны и собой, и состоянием дел в психологии» (2010, с. 97—98). Несомненно, большая часть рядовых российских психологов не воспринимают многие проблемы или (представляемые в качестве таковых) особенности психологии в качестве симптомов кризиса — и не в силу собственной недалекости, а скорее в силу отсутствия кризиса идентичности.

В заключение следует отметить, что любой кризис — явление временное, и кризис идентичности российских психологов, безусловно, со временем пройдет. Острота переживаний снизится, с одной стороны, естественным образом — за счет прихода новой генерации психологов с другой идентичностью, исходно жестко не ориентированной на марксизм. С другой стороны, кризис будет преодолен, когда в отечественном профессиональном сообществе (а не только в когнитивной плоскости науки) наберут силу интеграционные процессы. Это не означает объединение сооб-

щества на основе единой методологии, исследовательской программы — в нынешних условиях это вряд ли возможно. Пытаться объединить отечественное профессиональное сообщество на основе различных общеметодологических проектов, адресованных мировой психологии, — утопично: достичь договоренностей не удастся даже в исходных позициях. Интеграция сообщества будет означать выработку общих ценностных представлений о том, что содержательно нас объединяет в единое сообщество российских психологов (помимо формальных географических границ) и образует стержень нашей идентичности, каким мы видим будущее российской психологии (науки, практики, образования), что ценного мы можем дать мировой психологии и как нам, не впадая в самоизоляцию, сохранить свою самобытность. В этом самоопределении — залог успешного развития отечественной психологии и преодоления трудностей настоящего времени.

1. *Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005а. Т. 2. № 1. С. 44–65.
2. *Аллахвердов В.М.* Грустный оптимистический взгляд на психологическую науку // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005б. Т. 2. № 1. С. 130–139.
3. *Аллахвердов В.М.* От «методологического одичания» психологов к светлому теоретическому будущему // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 61–67.
4. *Василук Ф.Е.* Методологический смысл психологического сизиса // Вопр. психол. 1996. № 6. С. 25–40.
5. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 291–436.
6. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы рациональности // Вопр. психол. 2006. № 1. С. 3–15.
7. *Гусельцева М.С.* Психология и история: смена типов рациональности // Вопр. психол. 2011. № 2. С. 13–24.
8. *Данилова В.Л.* Проблема субъекта психологического познания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 77–84.
9. *Двойнин А.М.* Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психол. журн. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.
10. *Завершнева Е.Ю.* Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
11. *Зинченко В.П.* Кризис или катастрофа? Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопр. филос. 1993. № 5. С. 3–43.
12. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
13. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
14. *Кричевец А.Н.* Многоэтажная психология. Эскизный проект // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 218–233.
15. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
16. *Ланге Н.Н.* Психология. М.: Товарищество «Мир», 1914.
17. *Мазилев В.А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
18. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
19. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007а. Т. 4. № 2. С. 3–21.
20. *Мазилев В.А.* Проблема предмета и метода в психологии // Вопр. психол. 2007б. № 1. С. 12–16.
21. *Мироненко И.А.* Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопр. психол. 2008. № 4. С. 119–127.
22. *Мясоед П.А.* Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопр. психол. 2004. № 6. С. 3–18.
23. *Розин В.М.* Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
24. *Сергиенко Е.А.* Законы методологии необходимы для науки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 112–115.
25. *Соколова Е.Е.* Апология системного монизма (К проблеме путей интеграции психологической науки) // Вопр. психол. 2006. № 4. С. 15–23.
26. *Сурмава А.В.* Психологический смысл исторического кризиса // Вопр. психол. 2004. № 6. С. 71–85.

27. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007.
28. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопр. психол. 1997. № 3. С. 112–125.
29. Юревич А.В. Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.
30. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопр. психол. 1999. № 2. С. 3–11.
31. *Avenarius R.* Kritik der reinen Erfahrung. Vols. 1 and 2. Leipzig: Fues's Verlag (O.R. Reissland), 1888.
32. *Bakan D.* The crisis in psychology // J. of Social Distress and the Homeless. 1996. V. 5 (4). P. 335–342.
33. *Bower G.H.* The fragmentation of psychology? // Amer. Psychol. 1993. V. 48 (8). P. 905–907.
34. *Bühler K.* Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
35. *Dixon R.A.* Theoretical proliferation in psychology: A plea for sustained disunity // The Psychol. Record. 1983. V. 33. P. 337–340.
36. *Driesch H.* The crisis in psychology. Princeton: Princeton Univ. Press, 1925.
37. *Goertzen J.R.* On the possibility of unification: The reality and nature of the crisis in psychology // Theory & Psychology. 2008. V. 18 (6). P. 829–852.
38. *Gruber H.E., Gruber S.L.* Where is the crisis in psychology? // J. of Social Distress and the Homeless. 1996. V. 5 (4). P. 347–352.
39. *Gutberlet C.* Die «Krisis in der Psychologie» // Philosophisches Jahrbuch der Görresgesellschaft. 1898. V. 11. S. 1–19, 121–146.
40. *Kelly R.J.* The crisis in psychology: Trouble in the temple // J. of Social Distress and the Homeless. 1998. V. 7 (3). P. 211–223.
41. *Koffka K.* Zur Krisis in der Psychologie // Die Naturwissenschaften. 1926. V. 25. S. 581–586.
42. *Kostyleff N.* La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.
43. *Lewin K.* The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // J. of General Psychol. 1931. V. 5. P. 141–177.
44. *Mandy M.* Reading the rhetoric of «Crisis» // Theory & Psychology. 1996. V. 6 (2). P. 267–286.
45. *McKenzie-Mohr D., Oskamp S.* (eds). Psychology and the promotion of a sustainable future // J. of Soc. Iss. (special issue). 1995. V. 51 (4). P. 1–238.
46. *Mos L.P.* Why we should bring about a crisis in psychology // J. of Social Distress and the Homeless. 1996. V. 5 (4). P. 359–368.
47. *Mülberger A.* Wundt contested: The first crisis declaration in psychology // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 2012. V. 43 (2). P. 434–444.
48. *Neisser U.* The unity of psychology and of persons // Intern. Newsletter of Uninomic Psychology. 1995. V. 15. P. 6–12.
49. *O'Connell D.C.* Die krise der psychologie? // J. of Social Distress and the Homeless. 1996. V. 5 (4). P. 343–345.
50. *Pratt K.C.* Character: The Crisis in Psychology // J. of General Psychol. 1942. V. 26 (2). P. 365–369.
51. *Rieber R.W.* The problem of psychological distress and the crisis in psychology // Psychology and Developing Societies. 2001. V. 13 (1). P. 105–121.
52. *Salzinger K.* How many discovers do we need to avoid a crisis in psychology? // J. of Social Distress and the Homeless. 1996. V. 5 (4). P. 353–357.
53. *Sarason S.B.* Psychology misdirected. N.Y.: Free Press, 1981.
54. *Staats A.W.* Psychology's crisis of disunity: Philosophy and method for a unified science. N.Y.: Praeger, 1983.
55. *Staats A.W.* The disunity-unity dimension // Amer. Psychol. 2004. V. 59 (4). P. 273.
56. *Stam H.J.* Unifying psychology: Epistemological act or disciplinary maneuver? // J. of Clin. Psychol. 2004. V. 60 (12). P. 1259–1262.
57. *Sternberg R.J.* Unifying the field of psychology // Sternberg R.J. (ed.). Unity in psychology: Possibility or pipedream? Washington, DC: American Psychological Association, 2005. P. 3–14.
58. *Teo Th.* The critique of psychology. From Kant to postcolonial theory. Toronto: Springer, 2005.
59. *Ward S.C.* Modernizing the mind: Psychological knowledge and the remaking of society. Westport, CT: Praeger, 2002.
60. *Willy R.* Die Krisis in der Psychologie // Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1897. V. 21. Pt. 1. S. 79–96; Pt. 2. S. 227–249; Pt. 3. S. 332–353.
61. *Yanchar S.C., Slife B.D.* Pursuing unity in a fragmented psychology: Problems and prospects // Rev. of Gen. Psychol. 1997. V. 1. P. 235–255.
62. *Yurevich A.* Cognitive frames in psychology: demarcations and ruptures // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2009. V. 43 (2). P. 89–103.
63. *Zitoun T., Gillespie A., Cornish F.* Fragmentation or differentiation: Questioning the crisis in psychology // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2009. V. 43 (2). P. 104–115.